

УДК 001.32 + 008 + 001

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ И СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ

© 2014 г. К. В. Воденко*, О. С. Иванченко**

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

**Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)

В статье анализируются теоретические подходы к определению понятия «научное сообщество». Автором, на основе результатов отечественных социологических исследований, анализируются социокультурные изменения в социальной структуре российского научного сообщества и выявляются среди них расслоение на основе трансформации властных структур, материальное расслоение, стратификация на основе вовлеченности в международное сотрудничество. Рассматриваются перспективы развития научного сообщества в современных российских условиях и намечаются пути преодоления негативных последствий социоструктурных изменений в научном сообществе.

Ключевые слова: наука; общество; культура; научное сообщество; ученые.

Authors analyzed a number of theoretical approaches to the definition of «scientific community». Authors, basing on the results of the nation-wide sociological study, examined social and cultural changes in the social structure of the Russian scientific community and identify a bundle, basing on the transformation of power structures among them, material separation, stratification on the basis of involvement in international cooperation. The perspectives of the scientific community's development under the nowadays Russian conditions are also shown, and the ways to overcome the negative effects of social structures' changing in the scientific community are presented.

Key words: science; society; culture; scientific community; scientists.

В современных условиях формирования информационного общества наука и наукоемкие технологии являются действенным рычагом социально-экономического развития любого государства. По словам М. Вебера, «научный прогресс является частью, и притом важнейшей, того процесса интеллектуализации, который происходит с нами на протяжении тысячелетий» [1, с. 712].

Наука увеличивает деятельностную мощь тех сфер, в которые она поставляет модели структурирования реальности и альтернативные решения. Однако наука — это, прежде всего, люди, работающие в сфере науки.

В этих условиях анализ научного сообщества как коллективной формы субъекта познания и системообразующего фактора социокультурной среды развития науки приобретает особое значение.

Сравнительный анализ деятельности научных сообществ в историко-социальной ретроспективе его эволюции позволил выявить следующие специфические черты, характерные для него в разные периоды развития науки.

В доклассический период развития науки (античность и средневековье) происходит накопление знаний, развитие научной методо-

логии и рациональных подходов, правил логического рассуждения. На этом этапе формируется коммуникативная структура как прообраз научного сообщества, объединяющая ученых по типу «учитель — ученик», (например, платоновская академия), или действующих как временные добровольные сообщества ученых в конкретных научных сферах (философские школы, где развиваются научные знания, конституируется научный этос, осуществляется установка на истину, сопряженную с благом). Выводы зарождающегося и развивающегося научного знания еще не востребованы обществом, отсутствует узкий прагматизм.

Классический период (XVI–XVIII вв.) характеризуется зарождением современного экспериментального естествознания, принципов научной методики, основанной на индуктивных методах научного исследования (см.: [2]). Классическая наука в техногенном обществе развивается через парадигмальность и обладает следующей спецификой: расширяются коммуникативные связи за счет легитимизации и новых задач коллективного субъекта; возникает новый слой — научное сообщество как коллективный субъект науки со свойственным ему этосом («невидимые колледжи», республики ученых), появляются первые объединения ученых с государственным статусом, оформляется сообщество профессиональных ученых; приоритетное развитие получают фундаментальные исследования, доля прикладных эмпирических прикладных исследований еще мала; коммуникации реализуются посредством монографий, научных статей, и т. д.

В первой половине XIX в. в стратегии взаимодействия научного сообщества и окружающего мира доминантными установками являются пропаганда «чистой» науки и тактика «функциональной автономии науки» (по А. Гоулднеру) [3]. Автономность науки интерпретируется представителями научных сообществ как финансовая поддержка независимых в своем выборе ученых.

В неклассический период (конец XIX–XX вв.) наука становится господствующей формой общественного сознания и оформляется как социальный институт, происходят изменения в структуре и социальных функциях научного сообщества. Научная деятель-

ность становится устойчивой социокультурной традицией; наука превращается в орган и инструмент государственной политики; значительно возрастает роль прикладных исследований, их крупномасштабность.

Изменяется социально-профессиональный состав научного сообщества (теперь в него уже включаются научные работники и инженеры), происходит оформление дифференциации научного сообщества, дробление его на все более специализированные научные сообщества по предметному признаку, развивается либерализация системы научных сообществ, происходит изменение их стратификационной структуры. Постепенно формируется новый социальный слой «интеллигенции» (западный эквивалент) — «интеллектуалов», выстраивается международная интеграция. Оформляются основные позиции идеологии, основанные на традициях научного сообщества (этос науки).

В постнеклассическом периоде развития науки (конец XX–XXI вв.) расширяется предметное поле познания, когда наука выходит за свои рамки и проникает в другие области, максимально расширяются научные коммуникации научного сообщества на базе доминирования проектного, проблемно-ориентированного характера научной деятельности, новых форм связи науки и практики, развития компьютерных технологий, развиваются огосударствление, политизация и коммерциализация науки. Происходит качественное изменение в способе осуществления научной коммуникации — она все больше приобретает виртуальный характер, размывающий национальные и географические границы деятельности научного сообщества, меняется структура отношений внутри научного сообщества, повышается его социальная ответственность. На этом этапе научное сообщество выступает инструментом государственной политики, оформляется государственная инфраструктура науки. Перед ученым возникает дилемма нравственного выбора, связанная с острым противоречием между профессиональной и социальной ответственностью.

Итак, как социальный феномен научное сообщество в процессе развития прошло достаточно длительный период становления, с каждым новым этапом усложняя и дифференцируя свои характеристики.

Что же касается исследования научного сообщества в контексте теоретико-методологического дискурса, то попытки его определить начались только в середине XX века. В настоящее время, в зависимости от специфики предметного поля исследования, предлагаются различные дефиниции научного сообщества. Так, в философии научное сообщество объединяет ученых, принадлежащих, как правило, к одной научной дисциплине, работающих в одном научном направлении, придерживающихся общих теоретических оснований, принципов и методов решения исследовательских задач [4].

В рамках философии науки под феноменом «научное сообщество», в первую очередь, понимают совокупность ученых-профессионалов, организованных в соответствии со спецификой научной профессии [5]. Социология рассматривает «научное сообщество» как совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом деятельностью по производству, накоплению или использованию знания и поддерживающих устойчивые межличностные и межгрупповые отношения [6].

Мы будем использовать в качестве рабочего определения дефиницию, принятую в социологии науки, согласно которой под «научным сообществом» понимается социальная общность людей, возникающая и функционирующая в процессе специфического общественно необходимого вида труда — профессиональной научной деятельности [7, с. 118–119].

Обсуждение и развитие представлений о специфике научного сообщества происходило в контексте острой полемики между представителями различных научных направлений о развитии научного знания (прежде всего, позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма). В рамках дискурса выделилась «большая четверка» теоретиков, чьи труды, выступления и научная полемика сформировали основные подходы к теории научного знания в целом, и к проблематике феномена «научное сообщество» в частности: К. Поппер, М. Полани, И. Лакатос, П. Фейерабенд.

Смысловое значение термина «научное сообщество» («scientific community»), как ключевого элемента науки, впервые было пред-

ложено и обосновано М. Полани в работе «Личностное знание» [8], где автор критикует концепцию эволюционной эпистемологии К. Поппера. Автор предложил и обосновал качественно новую эпистемологическую теорию, «концепцию неявного знания» (tacit knowledge), главный постулат которой — приоритет человеческого фактора в науке. Концепция Полани утверждает неизбежность включения субъективного фактора (личностных оценок, ценностных ориентиров и т. п.) в социум. Именно социальный фактор научного открытия, синтез субъективного и объективного, по мнению автора, является причиной научного коллективизма как способа оценки истинности открытий, критерия научности.

Немаловажной заслугой М. Полани является то, что он охарактеризовал научное сообщество как систему сложных социально-коммуникативных связей, позволяющую субъекту науки получить оценку и признание. С другой стороны, структурная композиция системы научных сообществ выступает у Полани как механизм самоорганизации ученых, благодаря которому субъективная уверенность в истинности и достоверности, возникавшая на уровне личностного восприятия, через критерии научной оценки и взаимопризнания научным сообществом, выходит на новый уровень и формирует в плоскости научного сообщества научные конгломераты.

Практически одновременно с М. Полани проблематикой научного сообщества занимался Т. Кун, работы которого легли в основу современных подходов к исследованию и пониманию данного феномена. Вступая, также как и М. Полани, в полемику с К. Поппером, Т. Кун в своей работе «Структура научных революций» предложил и обосновал оригинальную социальную модель развития науки. Центром модели Т. Куна является феномен науки, который ученый назвал «парадигмой». Сменой парадигм Т. Кун объясняет закономерность развития науки, обуславливает природу и характер научных революций. Однако ключевым понятием в концепции Т. Куна является не парадигма, а «научное сообщество». Автор разделяет эти понятия, но не противопоставляет их, а дает логическое обоснование их взаимодополняемости. В итоге, Т. Кун делает вывод, что развитие

науки, по сути, можно представить как процессы принятия и отрицания научным сообществом основополагающих научных теорий (парадигм). Принятие новой парадигмы, удовлетворяющей научное сообщество, обуславливает потребность формирования новых образцов, средств постановки и решения проблем в рамках «нормальной науки», что, в конечном итоге, формирует новый тип научного мышления. Т. Кун обосновывает парадигму как основу самоидентификации и воспроизводства самого научного сообщества. С другой стороны, по мнению автора, парадигма выступает в качестве содержательного, в большей степени социального и психологического ядра, вокруг которого объединяется конкретное научное сообщество. Таким образом, принятие или отрицание парадигмы обуславливает наличие конкурентности в среде «парадигма — сообщество», что лежит в основе самоорганизации научного сообщества и процесса развития науки.

Значимость концепции Т. Куна заключается в том, что в рамках исследования среды «парадигма — сообщество» он впервые предлагает структурированную модель научного сообщества, внутри которого ученые формируют различные профессионально направленные группы. Научное сообщество Т. Куна — свободное и открытое, основанное на рациональной разумности каждого индивида. С другой стороны, эта свобода и открытость ограничивается «умом сообщества», признающим рациональность своих членов, что делает ученого в большей степени зависимым от форм и принципов мышления научного сообщества.

Другим ученым, чьи работы по проблематике научного сообщества занимают особое место в рамках дискурса, был И. Лакатос. Выступая с позиций позитивизма и полемизируя с Т. Куном, И. Лакатос, тем не менее, оспаривал и некоторые позиции К. Поппера, чьим учеником и последователем он являлся. И хотя феномен научного сообщества не является ключевым для И. Лакатоса, для его научно-исследовательской гипотезы «становится особенно очевидной важность теории и связанной с ней исследовательской программы для деятельности ученого. Вне ее ученый просто не в состоянии работать. Главным источником развития науки является-

ся не взаимодействие теории и эмпирических данных, а конкуренция исследовательских программ в деле лучшего описания и объяснения наблюдаемых явлений и, самое главное, предсказания новых фактов» [9].

Среди последователей Т. Куна можно выделить П. Фейерабенда, автора революционной «анархистской теории познания», основанной на идеях теоретико-методологического плюрализма. Согласно концепции П. Фейерабенда, научное сообщество представляет собой конгломерат авторов автономных теорий. Каждый из представителей научного сообщества имеет право (а, по сути, должен) отрицать существующие методы научного познания, и, формулируя свои новые методы, нарушая общепризнанные правила, тем самым закладывая основы научных революций. Основу эволюции науки и существования научного сообщества, П. Фейерабенд, так же как и Т. Кун, видел в конкуренции («несоизмеримости») теорий/парадигм. Защищая тезис Т. Куна о некумулятивном типе научных революций и конкурентности парадигм, П. Фейерабенд выступал за автономию науки и научного сообщества от политики, религии, различного рода идеологий и догм. Человек, считал ученый, должен иметь возможность на самоопределение и свободу выбора. По сути, П. Фейерабенд заменил в эпистемологических рассуждениях «научное сообщество» отдельным индивидом, что и дало в итоге так называемый «эпистемологический анархизм» [10, с. 16].

Нельзя оставить без внимания и исследования основоположника концепции устойчивого и универсального этоса Р. Мертона, работы которого оформили, на наш взгляд, два ключевых направления в понимании феномена «научное сообщество». Во-первых, в статье «Наука и демократическая социальная структура» им была предложена совокупность системы поведенческих нормативов, общеобязательных для научного сообщества: универсализм, коммунизм, незаинтересованность, организованный скептицизм (см.: [11]).

Нравственно-ценностные императивы (CUDOS) Р. Мертона вызвали дискуссию в научной среде, центральным в которой стал тезис о том, что мертоновские императивы относятся скорее к идеальной модели проведения исследований, чем к реальной работе.

И хотя мертоновская концепция и подверглась острой критике многих ученых (У. Хирш, С. Барнс, Р. Долби, У. Хэгстром, Р. Богуслав, И. Митроф, М. Малкей, Б. Латур и С. Вульгар, С. Фуллер и др.), тем не менее, она сумела закрепить в среде научного сообщества представление о нормативных регулятивах науки на многие годы.

В рамках научной полемики о проблеме этоса науки концепция Р. Мертона в 1994 году была развита Дж. Зиманом, который обосновал качественно новую систему ценностных норм, характерных для современной (пост-академической) науки. Перечень норм, предложенный Зиманом, представляет собой модифицированный CUDOS Мертона — систему PLACE: Proprietary, Local, Authoritarian, Commissioned and Expert work [12, с. 179]. Отметим, что именно им был методологически закреплён процесс институционализации науки в целом и научного сообщества как социальной группы, что позволило определить рамки социальной организации научного сообщества в условиях подчинения государству и коммерциализации науки.

Вторым концептуальным тезисом Р. Мертона, послужившим основой для современных подходов в исследованиях феномена «научное сообщество», является так называемый «эффект Матфея» [13]. Отталкиваясь от цитаты Евангелия от Матфея («Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет», Евангелие от Матфея, 13:12), Мертон обосновывает постулат значимости, согласно которому известность ученого влияет на признание его научных результатов, независимо от их значимости. Основная заслуга Р. Мертона заключается в том, что его исследования сформировали прикладные методы исследования научного сообщества — так называемый эмпиризм Р. Мертона.

Характерным подтверждением мертоновского «эффекта Матфея» стали исследования У. Хэгстрема и Н. Сторера, которые сосредоточились на изучении феномена научного сообщества в контексте анализа внутренних мотивов и организации самостоятельной работы ученого. В частности, У. Хэгстром сделал попытку выявить мотивационные факторы поведения ученого, его стремление получить признание научного сообщества, а Н. Сто-

рер сделал акцент на поведенческих аспектах членов научного сообщества, мотиваторов и механизмов социального управления ученых. Также как и У. Хэгстром, Н. Сторер проводит дифференциацию научного сообщества, основываясь на «делении науки на дисциплины», но, в отличие от последнего, у Н. Сторера как основа и главное условие внутренних и внешних коммуникативных каналов «научной профессии», влияющих на поведение ученых, выступают ценностные критерии. Реализация потребности в выработке общепризнанных критериев, с помощью которых оценивается значение научного вклада для всей области научного знания, делает, по мнению Н. Сторера, «научную профессию» институтом с характерными для него институциональными структурами и признаками. Но в этом случае само развитие науки, с точки зрения социолога, представляется как непрерывный процесс дифференциации ее ценностей и норм, в котором основной делящей силой выступает научная дисциплина.

Отметим также концепцию Петера М. Хаса, определившим научное сообщество «как сеть или совокупность профессионалов, работающих в сфере специального знания» [14, с. 16–18]. Здесь уже акцент ставится на коммуникативных сетях в научной среде.

В отечественной социологии науки работы таких ученых как Е. З. Мирская, Н. Яхиел, М. А. Розов, Е. М. Бабосов, А. К. Мамедов значительно дополнили концепции зарубежных социологов, рассматривая проблему научного сообщества применительно к российской действительности. В частности, в работе Е. М. Бабосова и А. К. Мамедова «Социология науки» дан комплексный анализ научного сообщества как структурного компонента социального института науки, в том числе выявлены структурно-стратификационные характеристики, элементы познавательной основы деятельности, предложена дифференциация функций и типологизация научного сообщества.

Зададимся вопросом: каковы особенности научного сообщества в современной России?

По-видимому, нынешняя модель российской науки является переходной, а значит, и не очень эффективной конструкцией. Другими словами, это модель, в которой часть

структур и механизмов привнесена почти без изменений из административно-командной системы, другая их часть вполне адекватна принципам рыночной экономики. Если не давать никаких качественных оценок тем или иным явлениям и процессам, то нынешнюю модель российской науки можно описать следующим образом.

По удельному числу занятых в науке Россия занимает сегодня 9 место в мире вслед за Финляндией и Исландией. К сожалению, по темпам сокращения числа исследователей мы опережаем даже экстремальный прогноз, высказанный экспертами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1993 году, хотя он и представлялся в то время невероятным и встретил резко негативную реакцию научного сообщества.

Трудовые ресурсы в сфере науки сократились более чем в два раза, финансовое обеспечение — в 5–7 раз. Существенно сузился фронт исследований, особенно в прикладной науке. В силу неконкурентоспособности исчезли целые направления (и организации) в гражданском отраслевом секторе, отчасти в ВПК и академической науке.

Особую озабоченность вызывает социальная напряженность в среде научно-технической интеллигенции. Глубокая апатия, акции протеста, массовый отъезд за границу являются показательной реакцией ученых на происходящие деструктивные процессы в нашей науке.

В то же время в основном реализован принцип открытости и включенности нашей науки в мировую, хотя здесь и есть свои трудности. Наличие у каждой из сторон такого взаимодействия собственных традиций и истории развития затрудняет их кооперацию. По мнению О. А. Пекушкиной, «...отсутствие единой социально-культурной платформы, необходимых знаний о системе реализации научно-технологических разработок на международном рынке, а также административно-управленческих механизмов интеграции российских научных групп в международный трансфер знаний привело к ряду негативных для России последствий: с одной стороны, к передаче российскими исследователями знаний и технологий на неравных для них условиях, а с другой стороны, к фор-

мированию у западных коллег негативного имиджа российского ученого как «неопытного» партнера» [15].

Отметим как положительный момент исчезновение идеологических барьеров в отечественной науке. В законодательной базе по обеспечению развития российской науки принято более десяти законов (в частности, патентный) в интеллектуальной сфере деятельности, что инициировало развитие малого инновационного бизнеса. Для развития фундаментальной науки были созданы вневедомственные фонды РГНФ и РФФИ, действующие на принципах равноправия аппликантов, конкурентности и независимости экспертизы.

В настоящий момент организационная структура науки начинает медленно меняться. Заметно уменьшаются размеры научно-исследовательских организаций (НИО), появились новые секторы негосударственной науки и малого инновационного бизнеса, существующие как в форме инновационно-технологических центров и технопарков, так и в виде самостоятельных структур. Создается финансовая и информационная инфраструктура этих секторов. Действуют государственные и частные инновационные и инвестиционные фонды, начала работать ассоциация венчурного инвестирования.

В условиях открытости и конкуренции происходит заметная дифференциация потенциала НИО, однако сохраняющиеся ведомственность и патернализм мешают процессам естественного отбора и закрытия неэффективных НИО.

Проведенная поспешно и с ошибками приватизация отраслевых научно-технических организаций, тем не менее, открыла путь к созданию нормальной для рыночной экономики «внутрифирменной» науки. Появилось много примеров успешно работающих научно-технических структур, практически целиком финансируемых промышленными предприятиями.

С другой стороны, весьма значительная часть академического сектора науки, части отраслевых НИО, включая многие государственные научные центры, почти не изменили принципы организации, управления и финансирования. Все это ведет лишь к деградации

их научного потенциала, отставанию от мировых лидеров, нежеланию молодых ученых работать в таких организациях.

Демографический состав научного сообщества демонстрирует опасную тенденцию к возрастанию доли старшего возраста. Однако за последние несколько лет заметно вырос интерес молодежи к естественнонаучным и техническим вузам, что дает определенную надежду на возрождение российской науки.

Достаточно острой остается проблема менеджмента в науке, который, по мнению экспертов, совершенно неадекватен новым экономическим реалиям. Особенно это заметно на микроуровне науки — управлении научно-техническими организациями.

В этой связи мы видим основную проблему нашей науки не столько в недостаточности бюджетного финансирования (в ближайшие годы вряд ли возможно его существенное увеличение), сколько в том, что весьма неэффективно используются и нынешние средства бюджета. А это следствие не доведенной до конца реформы научно-технической сферы. Здесь главными объектами реформирования должны стать, на наш взгляд, неадекватно большая и «рыхлая» сеть научных организаций, устаревшие механизмы финансирования и архаичная система организации научной деятельности, где по-прежнему доминируют традиционные ведомственные институты советского типа. Иначе говоря, значительная часть пути по созданию новой модели функционирования российской науки нами пока еще не пройдена.

Особо следует выделить проблему социального положения ученых в общественной структуре, которая самым непосредственным образом связана с общим кризисным состоянием науки как социального института.

При характеристике научного сообщества в первую очередь необходимо констатировать, что оно переживает новое, происходящее по нетрадиционным признакам, и очень интенсивное расслоение, охватывающее уровень доходов, способы и результаты адаптации к отечественному варианту рыночной экономики, психологическое состояние, идейно-политические ориентации и т. п. В результате этого процесса теряется монолитность научного сообщества, что дает нам основание говорить о трансформационных

процессах в социальной структуре научного сообщества.

Рассматривая социоструктурные изменения научного сообщества, необходимо указать на многомерность их проявлений. Можно выделить, по крайней мере, два направления изменений. Во-первых, расслоение научного сообщества находит выражение в расслоении структур власти, что позволяет говорить о комплексном характере этого процесса, протекающего как на индивидуальном, так и на институциональном уровне, охватывающего как отдельных ученых, так и научные институты.

Вторым важным направлением социоструктурных изменений современного научного сообщества является расслоение по уровню доходов. Как известно, в ходе российских реформ рост цен намного опережал рост бюджетных зарплат, и в результате всех преобразований работники науки стали в несколько раз беднее, чем в начале 1990-х годов. Неудивительно, что низкий уровень оплаты труда в качестве главного фактора неудовлетворенности своей работой всегда называли большинство ученых. Кроме того, отсутствие возможности вести полноценные исследования также усиливало чувство неудовлетворенности у все большего числа деятелей науки. В то же время на фоне общего ухудшения показателей состояния научного сообщества некоторые данные свидетельствуют об относительном улучшении материального положения ряда исследователей. Это связано, в первую очередь, с появлением выборочного (грантового) финансирования отдельных проектов, существенно расширившего разного рода совместительства в сфере науки и усилившего дифференциацию в научной среде. Однако надо иметь в виду, что в данном случае рост показателя грантовой обеспеченности исследователей обусловлен не только объективным развитием этого вида финансирования, но и системой подсчета результатов выборки. Последним объясняется и повышение доли обладателей зарубежных грантов, хотя в реальности количество зарубежных грантов в российской академической науке не возросло, а существенно уменьшилось. По-видимому, за истекшее период времени интерес зарубежных научных фондов к нашей науке заметно понизился, и количе-

ство иностранных денег в российских исследованиях чувствительно сократилось.

Итак, расслоение современного российского сообщества ученых ведет к выделению внутри него особой группы, которая за последние годы стала еще более заметной, расширившись и укрепив свои позиции. Что же это за группа? Согласимся с исследователем А. В. Юревичем в том, что ее можно назвать «новыми русскими учеными», выделив в качестве системообразующих признаков следующие [16, с. 235]:

- достойный, на наш взгляд, уровень доходов — порядка 1000 у. е. в месяц и выше;

- разнообразие источников доходов, работа одновременно в разных местах (при очень типичном расхождении местонахождения трудовой книжки и основного источника доходов);

- соответствующая имущественная база — наличие собственной квартиры, дачи, автомобиля и т. п.;

- достойное знание, по крайней мере, одного иностранного языка и его регулярное использование;

- высокий уровень востребованности, регулярное получение предложений о работе, публикациях и т. п. из разных мест и дефицит свободного времени;

- современный уровень технической подготовки — использование компьютера, интернета, электронной почты и др.;

- получение грантов отечественных и зарубежных научных фондов, сотрудничество с последними также в качестве эксперта;

- совмещение научной деятельности с включенностью в систему высшего образования, преподавание в каком-либо вузе, причем, как правило, в известном, а не в заштатном или «доморощенном»;

- регулярные поездки за рубеж и известность в мировой науке;

- выступления в СМИ и сотрудничество с различными общественными организациями — в качестве эксперта, аналитика и т. п.

Еще одним стратификационным признаком в научном сообществе является вовлеченность в международное сотрудничество, которая определяется по публикациям в зарубежных изданиях, докладам на международных конференциях, участию в совместных

исследованиях, получению грантов западных фондов и организаций, использованию оперативных средств научных коммуникаций и др.

По этим показателям каждый ученый может быть отнесен к одной из пяти групп (А–Е) по международному сотрудничеству. Так, ученые группы А являются научной элитой — лидерами международного взаимодействия и наиболее продуктивными деятелями отечественной науки; группа В — это очень активные специалисты по международному сотрудничеству, профессиональные успехи которых в родной среде не соответствовали ожиданиям; группа С — уверенные в себе профессионалы-исполнители, без которых невозможны научные исследования; группа D объединяет ученых с весьма высоким научным потенциалом, но очень слабо включенных в международные взаимодействия и максимально неудовлетворенных; группа Е, совсем не имеющая международных контактов, демонстрирует, как правило, низкие профессиональные показатели в отечественной науке и, как это ни странно, наиболее позитивные оценки собственной деятельности.

Следует отметить, что эти группы разного профиля и разного уровня элитности указывают на «тонкую структуру» исследовательского сообщества и позволяют уйти от представления о «среднем ученом» (не более продуктивном, чем представление о «среднем доходе») и от аморфной массы исследователей, характеризуемой усредненными показателями. Данная позиция проявляется в социальном самочувствии научных работников. Например, согласно исследованию Е. Мирской, в среднем по выборке для ученых, число ученых, удовлетворенных своей научной деятельностью, составляет 25%, не удовлетворены — 60%, и затруднились ответить — 15%. Однако в разных группах ученых настроения заметно различались [17].

Итак, социоструктурные изменения в научном сообществе обусловлены прагматическим подходом к науке, приведшем к тому, что общество не обеспечивает приток новых сил в эту сферу, плохо стимулирует их труд, не создает необходимые приоритеты для творчества. По мнению В. А. Ядова, не-

обходимо максимально использовать такие стимулы научного поиска, как справедливая его оценка со стороны научного сообщества, общественное признание, создание условий для выдвижения талантливых ученых, демократизация управления наукой, развертывание дискуссий, обновление каналов научных коммуникаций [18].

Подводя итог анализу трансформации отечественного научного сообщества, сформулируем возможные перспективы этого процесса. В науковедческой литературе рисуются три сценария этого будущего:

— сценарий I, «оптимистический» — возрождение российской науки, доведение расходов до приемлемого для ее развития уровня;

— сценарий II, «пессимистический» — продолжение разрушения отечественной науки вплоть до ее полного распада;

— сценарий III, «умеренный» — сохранение нынешнего положения дел с его переменным то слабым улучшением, то некоторым ухудшением, консервация «состояния ни жизни, ни смерти».

В современных сложившихся условиях наиболее вероятным представляется возрождение российской науки через систему образования, так как в последние годы образование переживает все основные признаки оживления: ежегодно возрастают расходы на образование, численность студентов, общее количество вузов, конкурс на вступительных экзаменах и т. п. Развитие система высшего образования способно стать катализатором позитивных изменений в науке [19].

К одним из перспективных вариантов развития и сохранения отечественного научно-технологического потенциала относится интеграция российских ученых в европейский трансфер знаний. По мнению М. К. Сафроновой, «перспектива развития научного сообщества осуществляется от научного сообщества к сообществу научно-технологическому; последнее ориентировано на исследование так называемых «социальных технологий», то есть специфических форм организации управления. Кроме того, научно-технологические сообщества исследуют потенциал и тенденции технического разви-

тия, различные сферы и формы применения техники» [20].

Резюмируя, сделаем некоторые выводы. Сравнительный анализ научных сообществ на различных этапах исторического развития общества выявил специфические черты их научной деятельности: дискурсивность и созерцательность в период античности и авторитаризм мышления с теологической рациональностью в эпоху средневековья (традиционное общество); научное сообщество в классической науке индустриального общества определяется через парадигму; особенностью научного сообщества в неклассической науке выступает его интерпретативный характер; для научного сообщества в информационном обществе характерна виртуальность.

Акцент в решении вопроса о самоорганизации научного сообщества в научных исследованиях ставится по-разному: если для И. Лакатоса и С. Тулмина решающим является преобладание рациональных суждений ученых, то М. Полани и Дж. Холтон приоритет отдают индивидуальным психологическим особенностям ученого, в то время как П. Фейерабенд настаивает на социально детерминируемой природе развития научного знания. В постпозитивистской парадигме научного знания характерным является поиск нового баланса между этими факторами, а также предпринимаются попытки ввести новые факторы: личные убеждения, эволюционное развитие, социокультурная среда. В то же время все большую популярность приобретают теории, подчеркивающие экономический характер научной деятельности.

Социокультурные изменения российского научного сообщества свидетельствуют о трансформационных процессах в его социальной структуре. В результате происходит интенсивное расслоение этой социально-профессиональной группы, инициирующее расслоение как в самой структуре научной власти, так и выделение внутри научного сообщества особой группы — «новые русские ученые», обладающей значительным материальным и репутационным капиталом, и активно вовлеченной в международное сотрудничество.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990.
2. Воденко К. В. Социокультурная легитимация научного познания в религиозно-философской мысли Ренессанса и Реформации. // Гуманитарий Юга России. — 2013. — №3. — С. 74–82.
3. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. — СПб: Наука, 2003.
4. Кемеров В. Философская энциклопедия. — М: «Панпринт», 1998.
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009.
6. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. / Пер. с англ. Н. Н. Марчук. В 2 т. Т. 1. — М.: Вече, АСТ, 1999.
7. Бабосов Е. М., Мамедов А. К. Социология науки. — М.: Издательство МБА, 2011.
8. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. — М., 1995.
9. Современная теория познания как общетеоретическая основа философии науки [Электронный ресурс]. Философские концепции науки. — Режим доступа: <http://www.nauka-filosofia.info/p30aal.html>, свободный (28.06.2014). — Загл. с экрана.
10. Порус В. Н. Спор о научной рациональности. // Философия науки. Вып. 3. / РАН. Ин-т философии; ред. М. А. Розов. — М.: ИФРАН, 1997.
11. Воденко К. В. Социальная ответственность ученого и этос современной науки. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2011. — №1. — С. 210–215.
12. Ziman J. Prometheus bond. Science in a dynamic steady state. — Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1994.
13. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности. // Альманах THESIS. Мир человека. — 1993. — №3.
14. Haas P. M. «Introduction: epistemic communities and international policy coordination. // International Organization, io. 46:1. — Winter 1992.
15. Пекушкина О. А. Социальная технология управления интеграцией российского научного сообщества в систему европейского трансфера знаний: Автореф. дисс. ... канд. техн. наук. — М., 2005.
16. Юревич А. В. Расслоение российского научного сообщества: новая траектория развития отечественной науки. // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. — М.: «Логос», 2005.
17. Мирская Е. Российские академические ученые в зеркале социологии науки. // Отечественные записки. — 2002. — №7.
18. Келле В. Ж. Ценностные аспекты развития науки. — М.: Наука, 1990.
19. Воденко К. В. Взаимодействие социальных институтов религии, науки и образования в современном обществе. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2012. — №6. — С. 267–272.
20. Сафронова М. К. Коммуникативная активность сетевого научного сообщества в условиях становления информационного общества в России: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. — М., 2006.

Поступила в редакцию

15 октября 2014 г.



Константин Викторович Воденко — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Южного федерального университета, профессор кафедры философии и права ЮРГПУ (НПИ). Сфера научных интересов — институциональная социология, проблемы социально-экономического развития, философия науки.

Konstantine Victorovich Vodenko — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of the Theoretical Sociology and Methodology of the Local Region's Researches department at the Southern Federal University, professor at the Philosophy and Law department of the SRSPU (NPI). Sphere of author's scientific interests includes the institutional sociology, problems of social and economic development, philosophy of the science.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 264-30-20; e-mail: vodenko-kv@rambler.ru



Ольга Сергеевна Иванченко — ассистент кафедры государственного и муниципального управления и экономической теории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Сфера научных интересов — социология научной деятельности, социальные аспекты муниципального управления.

Olga Sergeyevna Ivanchenko — assistant lecturer at the Governmental and Municipal Management and the Economic Theory department of the Southern-Russian State Polytechnical University (NPI) of M. I. Platov name. Sphere of author's scientific interests includes the sociology of science and social aspects of the municipal management.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-26; e-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru